

Файнзильбер Вера Николаевна
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..." "

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Файнзильбер Вера Николаевна, родилась 17 августа 1920 года в г. Углич Ярославской области. С 1922 до 1932 год моя семья жила в Москве. В 1931 году мы переехали в Ленинград. Училась в 13й школе Фрунзенского района с 1933 года. По окончании поступила на исторический факультет Ленинградского Университета, который окончила в 1946 году. По распределению в августе 1946-го года была принята на работу в 205-ой Институт при ЦК ВКП(б). Летом 1947 года принята в отдел внешней политики ЦК ВКП(б) в качестве переводчика с польского языка. Работала в секции Юго-Восточной Европы. В 1949 году была переведена на работу во Всесоюзный комитет радиовещания и телевидения. Проработала там до мая 1950 года: уехала в Калининград на место службы мужа, Михаила Львовича. Работала библиотекарем в военном училище им. Красина. Моя семья вернулась в Ленинград в 1958 году.

У меня 2 детей: сын Евгений 1951 года рождения и дочь Елена 1955 года рождения.

БЛОКАДНЫЙ ДЕТСКИЙ ДОМ 55/61

Война началась в июне 1941 года. В середине лета вражеские войска совершили бросок и заняли окраины Ленинграда. На подходе к городу они остановились. Немцы, наверное, решили не брать его, рассчитывая на то, что он сам погибнет от голода.

Такое положение вынудило руководство города начать эвакуацию населения.

Ленинград бомбили с самолетов. А когда были заняты Пулковские высоты, начались обстрелы из дальнотойных орудий. 7 сентября был совершен первый массовый налет. А 8 числа объявлено, что Ленинград в полной блокаде. К этому времени в городе было почти два миллиона населения, включая беженцев из пригородов. Начался голод – ввели карточки. На сутки рабочие получали 250 – 300 гр., иждивенцы и дети – 125 гр. хлеба. Люди умирали от голода, сирот становилось все больше. Требовалось создавать детские дома.

Детский дом № 55/61

« ... Мы собрались сегодня здесь, в очередной раз вспомнить наш детский дом и годы войны.... Мы все пришли сюда по зову сердца, добровольно, чтобы встретиться с друзьями, давно уже ставшими родными. ... Будем надеяться, что даже когда останутся и встретятся только два человека, память о детском доме будет продолжать жить».

(директор детского дома Ольга Александровна Саренок, 1995 год)

Детский дом был в каждом районе. Наш детский дом, который просуществовал с 23 февраля 1942 до 1945 года, отличался от других детских домов. Детский дом, который имеет двойную цифру 55/61. Раньше существовали дошкольные и школьные детские дома – в результате семьи разбивались. Наш объединил и дошкольников, и школьников. Мы сохранили семьи по пять человек, по три: Кипровские, Закривские, Ковалевы, Филимоновы, Ивановы и другие.

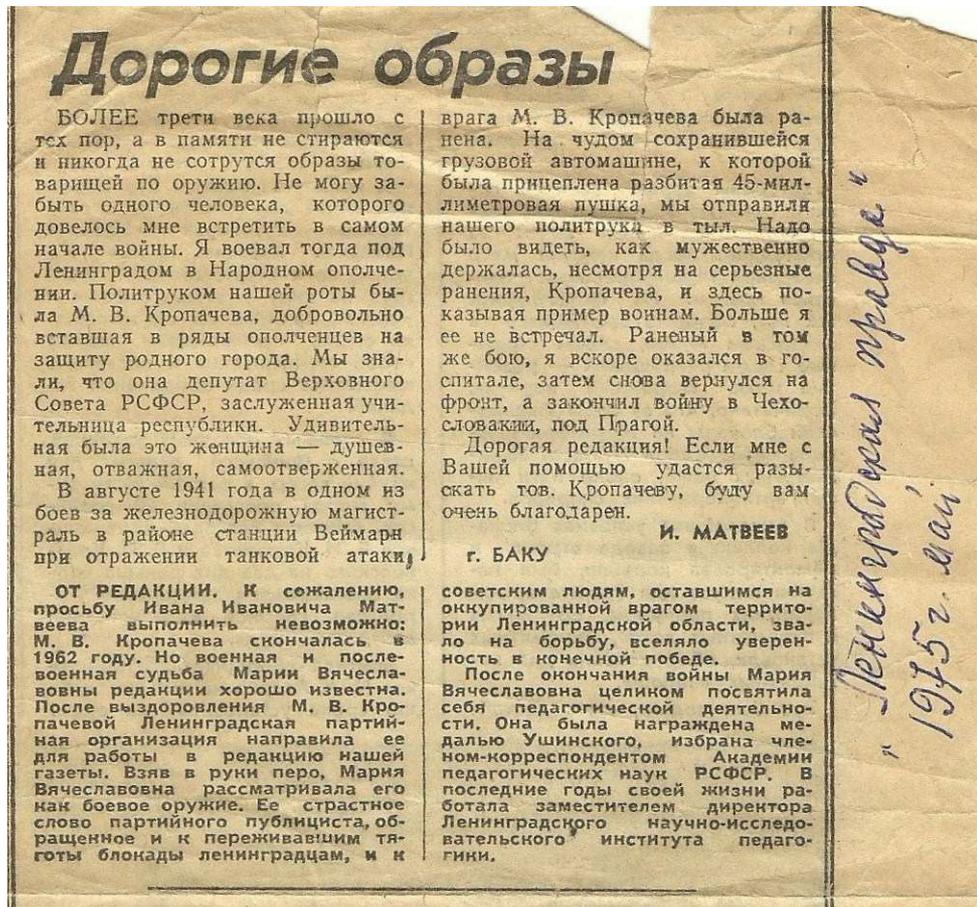
Есть 3 человека, которых можно назвать создателями, творцами нашего детского дома. Одна из них - Мария Вячеславовна Кропачева. Она учительница

истории, мой классный руководитель, комсомолка, заслуженный учитель РСФСР, избранный депутат Верховного Совета РСФСР. Она была первая комсомолка, которую избрали в Верховный Совет РСФСР. Во время войны пошла добровольцем в ополчение. Сначала была политруком. Убили командира роты, и она взяла на себя командование, а ей на начало войны было 29 лет. Её ранили в голову и руку.

Мария Вячеславовна Кропачева

Позднее мне в руки попал этот отрывок из газеты «Ленинградская правда».

Сослуживец Марии Вячеславовны пытался отыскать ее спустя столько лет...

Второй создатель – это Ольга Александровна Саренок, которая была директором нашего детского дома. До войны она работала комсоргом¹ в 13-ой школе.

И третий человек - Ревекка Лазаревна Златогорская. После окончания института она преподавала немецкий язык в 13 школе Фрунзенского района. С начала войны руководила отрядами старшеклассников отправленных на рытье окопов. После окопов продолжала работу во Фрунзенском районе в роли директора детского дома на Подольской 2. В декабре 1941 года там начался сыпной тиф. В нашем детском доме работала завучем.

Ревекка Лазаревна Златогорская

Как моя семья там оказалась? В начале февраля 1942 года сидим мы дома: мама Мария Николаевна Рогова, я, сестра моя младшая Людмила Рогова (она тоже стала воспитателем).

¹ Заместитель директора по общественной работе

Людмила и Вера Роговы

Электричества не было – стук в дверь. «Роговы здесь?» - моя фамилия Рогова девичья. Это была Марья Вячеславовна, в шинели. Она пришла со своим мужем Львом Моисеевичем Никольским. Он был военным корреспондентом газеты «Ленинградская Правда».

Марья Вячеславовна с мужем

«Надо спасти детей Фрунзенского района», - буквально первая фраза. «Кого вы знаете из нашей школы?» А я уже окончила, на третьем курсе университета была. «Давайте, собирайте тех, кто из нашей школы остался». Мальчики наши все-все ушли добровольцами или в армию. В ожидании войны, в 1938 году, был набор в недавно образованные артиллерийские спецшколы. Ребята могли добровольно в них поступать, но никто не думал в будущем о военной карьере. И тогда комсорг Ларик Пупырев сказал: «Девочки, выйдите. Мы сейчас сами решим». Мы вышли, а потом узнали, что Ларик несмотря на то, что сам близорукий, им сказал: «Я подаю заявление. Кто идет за мной, пошли». И все мальчики нашего класса подали заявления. Часть из них потом при медицинском осмотре была принята. И уже в начале войны эти мальчики стали лейтенантами.

(фото - слева направо – Уар Мадерни, верхний – Николай Соболев, справа Василий Федотов)

У нас была такая школа – мы же были все пламенными комсомольцами. Когда заканчивали школу, дали клятву, что будем жить ради того, чтобы людям делать добро, чтобы наша страна процветала. Из 15 пять мальчиков погибло на войне...

Итак, возвращаемся к детскому дому. Нам удалось собрать около 20 человек. Это были девочки из нашей школы, лет по 18. Я была самой старшей: мне уже был 21 год.

На Подольской улице было шестиэтажное здание - детский дом Фрунзенского района.

Там бушевала эпидемия. Умирали дети от сыпного тифа так, что некуда было положить тела. Позже Ревекка Лазаревна вспоминала «Там я видела самое страшное за всю войну: здоровые дети спали вместе с больными и мертвыми, и по ним всем ползали вши. Я сама заболела сыпняком и свалилась с температурой 40. У себя дома провела некоторое время в горячке, за мной ухаживала мама, а потом Ольга Александровна увезла меня на детских санках к себе»². В результате детдом был закрыт. Поэтому нужно было срочно открывать другой детский дом в этом районе. Ради спасения детей благодаря статусу Марии Вячеславовны удалось выхлопотать помещение бывшей 320-ой школы на ул.Правды, где в то время размещался эвакуационный пункт для беженцев из пригородов Ленинграда.

У нас была хороший директор Ольга Александровна Саренок. Белокурая красавица с синими глазами. И в Ленинграде, и потом в эвакуации она всего добивалась.

Для оборудования детского дома ничего же не было: ни кроватей, ни столов. Водопровод и канализация не работают, мороз 42 градуса. На всех этажах дома – замерзшие stalactites нечистот. Мы их срубали топорами, ломami и выносили ведрами. Выкидывали сгнившие матрацы, разгружали шкафы.

Ольга Александровна добилась того, что нам разрешили ходить по бывшим детским садам района, откуда ребят уже вывезли – эвакуировали. Собирали по домам на санках кровати, подушки, одеяла, посуду. Как говорила сама Ольга Александровна: «Берите все!». Они же пустыми стояли, все бы разбомбили. И мы забирали. Ничего нового-то не было: производство стояло. Ольга Александровна

² Отрывок из повести Льва Разумовского «Дети блокады»

наказывала: «Только хорошее брать и проверять!», чтобы не было никакой заразы. А как проверяли? Когда ведь болели, регистрировали. Так и проверяли.

Система такая была: был районный детский приёмник, куда приводили детей или собирали детей-сирот, бродяжничающих. Детприемник осматривал, давал характеристику - бюллетень здоровья. И если ребенок здоровый, то отдавали в детский дом. Мы, в свою очередь, проверяли на педикулёз – старались не стричь и сохраняли, по возможности, косички.

Помимо детприемника дети приходили сами, некоторых приводили. В наш детский дом как-то попали трое детей, старшей была Нина. В их семье, состоящей из 5 человек, двое умерли. Чтобы сохранить карточки, Нина не сообщала о смерти. Мертвых не похоронили – они лежали на балконе.

Мы дали обещание, что примем детей 23 февраля – в День Красной Армии. Первыми к нам пришло человек – 15-20.

Мы были все последователями Макаренко. Когда Мария Вячеславовна депутатом была, на одном из совещаний в Москве она защищала его: он и его система образования подвергались несправедливой критике. Наш детский дом строился именно по его принципу. Все ребята назывались дружиной, дружина делилась на отряды: старший, средний и отдельно дошкольный.

В детдоме были прекрасные работники, так что ребята были в очень хороших условиях, в надежных руках. Я была завучем по общественной работе.

В помещениях была страшная стужа. Центральное отопление не работало, и Ольга Александровна выхлопотала буржуйки, чтобы в каждой комнате, где спали ребята, и в столовой, шел жар, чтобы детям было тепло.

Буржуйки есть, а дров-то нет. Нам отпускали, по решению Райсовета, разбомбленные дома. И мы, воспитательницы, с санками, с канатами ходили к разбитым домам на Растанной улице. Страху совершенно не знали. Я бы сейчас там и не встала. На стропило мы бросали петлю по 2-4 человека, зацепляли, а потом раскачивали, оно падало и мы грузили его на санки. Буржуйки-то были маленькие, так что пилить приходилось много. Таким образом, мы отапливались. Всё собственными руками.

В апреле месяце мы умудрились открыть школу. Предметы у нас были: история, немецкий язык, русский язык, ботаника. Не все, конечно, предметы. Математики не было. Все в основном гуманитарные. Парты были – от старой школы – настоящие, хорошие – не то, что эти дрыгающиеся. Обходились в основном без учебников. Мы старались на уроке научить: у них и времени-то особенно не было. Голодные, спать хотелось. Молчаливые. Сосредоточенные на еде. Ведь они пришли без улыбок. У нас цель была – отмечали, кто первый улыбнется, кто первый скажет какое-то веселое слово. Это же сироты. «Вот эта девочка сегодня вслух смеялась». Лялька такая была, хохотушка, как потом оказалось.

Пришла весна, появилось солнце. 14 апреля пошел первый трамвай.

Тогда трамваи были не только закрытые, как сейчас, но и с продуваемыми площадками. Ой, какое это было счастье, когда можно было проехать на трамвае! Детей мы на трамвае вывозили, но все-таки чаще отправлялись пешком на экскурсию по маршруту: улица Марата, Невский проспект, Нева – чтобы дети выросли достойными ленинградцами, знающими и любящими наш прекрасный город. Проходили мимо дома Радищева, выходили на Невский проспект. Показывали самые красивые места, рассказывали об архитекторах, строительстве, рассказывали, как был построен Монферраном Исаакиевский собор. Дети шли парами на эти экскурсии. Хорошо одетые. На них все обращали внимание. Девочек не стригли, они всегда с бантиками, косичками, а мальчики с челочками.

Помню День города, 27 мая. Мы устроили торжественный сбор. У нас был мальчик, который очень хорошо читал стихи. «Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, как Россия», - в той обстановке эти слова были особенно значимы.

Ревекка Лазаревна говорила: «У всех нас, у всего коллектива была одна общая главная задача - вернуть к жизни блокадных ленинградских детей с подорванным здоровьем и надломленной психикой».³ Мы старались создать такую атмосферу, чтобы ребята не чувствовали себя детдомовцами, а чувствовали себя как в семье.

³ Отрывок из повести Льва Разумовского «Дети блокады»

Мы ввели очень строгие правила поведения. Старались научить ребят жизни в обществе. Например, как вести себя за столом: чтобы ели с хорошими манерами, чтобы вилками, ложками умели пользоваться, чтобы салфетки обязательно были. Они должны были всё съесть за столом, чтобы не было обменов. Хотя вначале ничего не меняли, они только хотели сесть поближе к буржуйке, думали, что разогретый хлеб не только вкуснее, но и более сытный. Воспитатели сидели вместе с детьми за одним столом.

Приучали их к труду. Ребята сами убирали со стола, в спальнях, во всех помещениях по дежурству.

Требовалось, чтобы дети были здоровыми. Своего доктора не было – вызывали районного. Эпидемий у нас не было.

Приходили ребята, которых брали прямо с улицы. Как-то привели к нам мальчика. В отличие от всех ребят румяного, круглолицего. Совершенно здоровенький, не дистрофик. Он был в младшей группе, дошкольной. Потом у него началось странное заболевание: вся слизистая воспалилась – он покрылся сыпью, начал на глазах гнить. Заболел и, в конце концов, умер. Стали выяснять, наводить справки о семье. Оказалось, мальчика забрали из семьи, по-видимому, людоедов. И когда он начал питаться нормально, как все, ему стало плохо. Так что людоедство, скорее всего, было. Только мы боялись об этом думать и боялись об этом говорить.

ДЕТСКИЙ ДОМ В ЭВАКУАЦИИ

В связи с началом Сталинградской битвы 17 июля 1942 года, продвижением линии фронта на северо-восток и возможностью приближения к нашему городу надо было освободить Ленинград от «лишних ртов», как тогда говорили. Мы были последним детским домом, который эвакуировали. Уехали 2 августа 1942 года. Мы вывозили наш детский дом – 1000 детей – тремя партиями примерно по 300 человек в Ярославль, Сызрань и Горьковскую область. В это время уже навигация была на Ладожском озере – перевозили на баржах. В апреле первые уехали, потом уехали в июне, а мы с последними – 2 августа.

Нас поместили в нормальные вагоны, довели до Ладоги, а там – на баржах. Ехали в тыл.

Дорога была трудной, ехали около трех недель. Опасность преследовала все время. В пути болели поносами. Тяжелые пересадки.

Высадили нас на станции Мантурово, это Нижегородская область, она тогда называлась Горьковской. И от Мантурово на лошадях мы ехали еще 40 км. до села Малые Угоры. Основную массу ребят поселили в здании церкви, остальных – в домах сельсовета.

Приехали еще до начала учебного года. Занимались освоением территории. Наша жизнь строилась по строгому распорядку. Неукоснительно соблюдался режим дня. Утро начиналось с зарядки и линейки. На вечерних линейках – подводили итоги дня. Учили трудиться и отвечать за свою работу.

Ребята всегда были заняты.

Работа распределялась по дежурствам, несколько девочек направлялось на помощь кастелянше (бельевой кладовщице) Евгении Борисовне, тоже из Ленинграда. В прачечной занимались стиркой, глажкой белья. Мальчики ведали отоплением. Кололи, пилили дрова. В хозяйстве имелась одна лошадка, и Геня Мориц был главным кучером. Возили воду, за ней отправлялись в соседнюю деревню. Занимались столярными работами, которым обучал столяр. Чинили мебель.

Дежурили в столовой. Помогали Николаю Васильевичу Рогову – моему папе, который работал кладовщиком.

В начале нашего пребывания в Угорах произошла нехорошая история. Стало пропадать белье. Ловкие ребятки старшего моего отряда стали менять простыни, полотенца. Они ходили по деревне и меняли на продукты. Мы организовали целую экспедицию. Ревекка Лазаревна одела свою кожаную куртку, подпоясалась ремнем. Вместе с ней ходили я и еще Ксения Галчонкова. Забрали тех, кто был замешан в этом, и шли с ними в те дома, где они меняли. Проводили на месте работу с местным населением. «Вы же понимаете, что это нехорошо - приучать детей к воровству, спекуляции. Нам же на этом спать. Все же ограничено». Мы

устроили «суд» над ребятами. Посадили их в подвал. «Договаривайтесь, как вы будете об этом рассказывать».

Был еще один случай. Парень Аркадий Терентьев, очень любил читать, любознательный, хорошо учился. Пропал. Осенью 1943 года прибыл на побывку мой друг, Сергей Попченко. Мы с ним всю местность обошли в поисках мальчика. Доложили в Гороно, в розыск объявили – ничего. Когда вернулась домой в 1944 году, у черного входа на стенке у двери увидела надпись огромными буквами: «Вера Николаевна, простите меня... Аркадий Терентьев». Оказалось, мальчишка хотел сбежать на фронт, ему 16 лет было.

Занимались натуральным хозяйством. Нам же дали большую площадь – мы вспахали большое поле. Воспитатели впрягались в плуг по 3, тянули плуг и поднимали целину. А ребятам оставалась прополка, они сажали картошку. Капуста плохой получалась, так что ее только один год сажали, потом вместо нее сажали брюкву. Дети убирали территорию, дома.

У нас учили детей заботиться о младших. Например, когда собирали чернику. Старшие ребята наедались в лесу, а в лукошки собрали ягоды для маленьких или для тех, кто не мог ходить. А по весне пошла клубника на берегу Унжи, земляника была замечательная. Так проходили трудовые будни детей.

У нас была программа, чтобы сохранили любовь и знание города, чтобы выросли ленинградцами.

Каждую неделю, по воскресеньям, было мероприятие для расширения кругозора и культурного воспитания. Мы поддерживали интерес к окружающей жизни, следили за событиями на фронте. Кто-то подсказал, что в сельсовете по утрам можно слушать радио, предварительно договорившись с председателем сельсовета. Чтобы держать всех в курсе текущих событий и вестей с фронта, я бегала по утрам в Сельсовет и слушала по радио, которое передавали по телефону, последние сводки. Я всё это записывала, и в каждом отряде на доске объявлений «В последний час» мы вывешивали очередную полит информацию.

Ежедневно была открыта библиотека, в которой работала Ита Ноевна Златогорская, мать Ревекки Лазаревны, она кончила Киевский университет,

филолог по специальности и библиотекарь. В Ленинграде работала в библиотеке Пушкина.

У нас был свой клуб, где мы проводили наши беседы. Располагался он в столовой. Воспитатели делали сообщения. Мы отмечали знаменательные даты поэтов, ленинградских писателей, исторические события. Ребята внимательно следили за событиями на фронте.

У нас был театр для ребят. В театре играли воспитатели и старшие дети. Поставили пьесу Вишневского «Раскинулось море широко». Её прислали в одном из толстых журналов из Ленинграда. Она была поставлена после моего с Ревекой Лазаревной отъезда. Спектакль прошел успешно. И нам пришла мысль обратиться к знакомому писателю Полежаеву, написать для нас пьесу с учетом наших актерских возможностей. Ревекка Лазаревна написала характеристику на каждого возможного будущего участника постановки.

Полежаев прислал пьесу «Друзья встречаются вновь». И снова спектакль имел успех.

Находясь в эвакуации, получилось так, что работать в детском доме стали и другие члены моей семьи: мама моя была там портнихой, Людмилочка, моя младшая сестра, стала воспитателем. Она была прекраснейшим воспитателем! Она же в медицинском училась, и когда блокаду сняли, обратно не пустил ее Райком Комсомола, и сказали: «Мы тебя отпустим с работы, если ты пойдешь в Герценовский Институт на дошкольное отделение». И она из врача превратилась в замечательного воспитателя. Не жалела, но она была бы очень хорошим врачом.

Каждому члену нашего коллектива нашлась работа по специальности. Галчонкова Ксения работала у нас бухгалтером. Ита Ноевна – библиотекарем. Все были профессионалами своего дела.

Одеты дети у нас были очень не по-казенному, не по-детдомовски. Мама моя, Марья Николаевна Рогова шила платья детям из того, что присылали американцы в качестве гуманитарной помощи. По праздникам они ходили нарядные, в будни – поскромнее. Она по глазам подбирала: вкус был очень

хороший. Маленьким ребятам, дошколятам, еще делала кошелечки с кружевами на тесемочке, в которых платочки носовые носили. Ну а постарше-то такие кошельки не носили.

У Ольги Александровны был очень хороший голос. В Мантурове, когда у неё было хорошее настроение, она приходила в спальню к ребятам и пела, чтобы они скорей заснули.

После перелома в войне некоторые родственники разыскивали детей по детским домам и в переписке и по документам обнаруживали тех, кого можно было забрать в семьи.

У нас был такой мальчик Шафкет Галлимулин. Веселый такой. Вообще фамилия его не Галлимулин была, а какая-то другая – по другой фамилии разыскивали. Но созвучие было. У него была примета. Родственник говорит: «Пусть он сложит мизинцы». Сложил - «Шафкет ты наш!» Две родинки таких было, что они-то и сходились на пальцах. И забрали этого мальчика.

С какой радостью 18 января 1943 года я бежала из Сельсовета, не чуя ног, сообщить радостную весть о прорыве блокады! Мы отметили это «торжественным» ужином.

В 1944 году, когда блокаду сняли, мы с Ревеккой Лазаревной были вызваны горно Ленинграда на восстановление школы в Ленинград.

Официально детский дом не закрывался – фактически просуществовал до 1945-го года. К концу блокады уже все были подростками, их распределили. Первую партию детей мы отправили в Горький в ремесленное училище, в котором они и жили, и ремесло осваивали.

В Угорах мы оставили о себе такой хороший след, что, когда уехали, они в своей школе создали музей, посвященный нашему детскому дому. И во Всесоюзном соревновании музеев этот Мантуровский детский дом получил 1-е место по области.

Потом мы с Ревеккой Лазаревной работали вместе в одной школе и очень дружили. Она преподавала немецкий язык, отличный специалист. Всю свою жизнь

отдала школе. Одновременно работала преподавателем немецкого языка в Герценовском институте и методистом в Институте усовершенствования учителей. 5 лет назад она умерла: мы с ней 62 года были вместе. Это был человек необыкновенного ума, у нее было замечательное отношение к людям.

А Мария Вячеславовна с мужем были корреспондентами оба и работали с Ольгой Берггольц во время блокады в редакции Ленинградской Правды. С Марией Вячеславовной всё было по-другому: она не пережила разоблачение культа личности Сталина. Заболела раком на нервной почве и рано умерла, в 1962 году. Похоронена на Серафимовском кладбище.

Выдающиеся воспитанники детского дома

С августа 1942 года вошел в мою жизнь худенький молчаливый 16-летний мальчик с большими карими глазами, Лева Разумовский, который мечтал быть скульптором и до войны занимался в специальной школе при Академии художеств на скульптурном отделении.

Почему «молчаливый»?

Потому что первое время я общалась с ним большей частью в присутствии его старшей сестры Мирры Разумовской. И мы все, включая Леву, слушали Мирру – блестящую, искрометную, ироничную.

С Миррой я подружилась с первых дней ее появления в блокадном детском доме. Лютой зимой 1942 года во время ночных дежурств мы делились друг с другом о пережитом, и я узнала, как она чудом спасла своего брата Левушку от голодной смерти, отвезя его на санках в стационар, куда был направлен для поддержки сил их отец, Самсон Львович, как ценный специалист. Мирра оставила санки с умирающим братом у входа в приемный покой, а сама спряталась за сугробом и сидела там до тех пор, пока вышедшая на улицу медицинская сестра не забрала мальчика в помещение.

Помню, как Левушка разрисовал большие листы фанеры сюжетами из пушкинских сказок. Как сейчас вижу восторженные глаза ребят старшего отряда, следящих за работой молодого художника, особенно когда он давал им «попробовать кисть» или комментировал свои рисунки. А ведь он был ненамного

старше, почти что их ровесник! Думаю, общение с увлеченным своим творчеством человеком помогало им справиться с сиротской тоской, заражало жизненной энергией. Вскоре Лева организовал кружок для желающих учиться рисовать. Среди его учеников оказался Завен Аршакуни, тогда воспитанник младшего отряда, а теперь известный художник.

Когда Лева было 17 лет, был уже последний военный набор, и он пошел в армию. Это был 1943 год. На фронт он пошел фальшиво – белобилетник, выучил всю таблицу.

Ребята Леву очень любили, и мы всем детским домом провожали его на фронт. Пели прощальную песню, сочиненную Миррой Самсоновной:

«Ты уходил тогда на фронт, махнув головушкой.

Издавека нам улыбнись, наш славный Левушка».

И по закону зла его ранило в левую руку, и он, будущий скульптор, фактически её лишился. Год провел по госпиталям.

Помню свой первый визит к Разумовским в начале осени 1945 года. Поразила Левина «взрослость», сдержанность в общении, озабоченный взгляд. На нем была матросская курточка (называлась «суконка»), она хорошо сидела, как-то стройнила его, но я не могла отвести глаз от пустого рукава суконки. Мирра, как всегда, шутила, пыталась всех развеселить, но что-то у нее это плохо получалось.

Потом Лева поступил учиться на скульптора в Штиглица, и к нему вернулась его былая энергия и бодрость духа. Помню, как легко и весело, как бы подтрунивая над самим собой и обстоятельствами, он описывал «прелести» казенного протеза, к которому с трудом привыкал. А у меня сердце кровью обливалось... Тогда я впервые почувствовала силу его духа и нравственную высоту.

Его сердце навсегда было задето войной. Одна из самых сильных его скульптур, «Дороги войны», изображает двух солдат: один, молодой и здоровый, бодро печатает шаг, а навстречу ему ковыляет на костылях другой, безногий. Эту

работу высоко оценил Булат Окуджава, сам бывший солдат-пехотинец Великой Отечественной.

Песня Окуджавы «Не верьте погоде, когда затяжные дожди она льет/ Не верьте пехоте, когда она бодрые песни поет» - на ту же тему.

Разумовский и Окуджава перекликаются друг с другом и общими судьбами (оба школьниками попали на фронт), и военными мемуарами. Повесть Окуджавы так и называется «Будь здоров, школяр!». А Разумовский назвал свои фронтовые воспоминания окуджавской строчкой «Нас время учило».

Лева постеснялся послать свою прозу знаменитому писателю – мол, стыдно отнимать у него время от творчества. А вот другой, не менее знаменитый писатель-фронтовик, Григорий Бакланов, нашел время для чтения Левиной повести: «...под впечатлением пишу Вам... Написанное Вами очень живое, достоверное (да как ему не быть достоверным, когда это пережито Вами), многое из того, что Вы рассказываете, я в литературе не встречал. Конечно, меня это волновало, конечно, мне это интересно... хорошо, что это написано, и уже это не исчезнет».

Главный редактор журнала «Нева» Б.Н.Никольский, опубликовавший «Нас время учило», в своем интервью поставил эту повесть в ряд лучших произведений военных прозаиков: К.Симонова, В.Некрасова, В.Быкова, В.Астафьева.

Лев Самсонович Разумовский был скульптором, живописцем, прозаиком. Настоящий мастер, благородный человек. На Парке Победы с левой стороны в полный рост летчик – герой Советского Союза, в шлеме, - это его дипломная работа.

Другая наша гордость – Завен Аршакуни. Отец у него армянин, мать русская. Мать умерла от голода, отец – доброволец, погиб на Пулковских высотах. К нам он пришел в 10 лет. Его кто-то привел за ручку в детский дом. Это необыкновенный мальчик. Он стал известным художником с мировым именем.

Завенчик всегда был с улыбкой. Не всегда зубами сверкал, но глазами улыбался.

В детском доме его не сразу заметили, потому что он был очень скромный. Но в кружке по рисованию, который организовал Лева, был лучшим.

После детского дома занимался во дворце пионеров с очень хорошим учителем рисования. Его, конечно, сразу же заметили, без экзаменов приняли в Академию художеств. Там он учился очень хорошо, жил на свои хлеба – работал. 6 лет проработал кочегаром в Академии художеств.

Завен стал академиком Академии Художеств. А он же очень скромный был. Помню, как говорил: «Вы не думайте, что я лучший их всех. Меня поставили первым, потому что я на букву «А», Аршакуни».

Но он был очень талантливым. В его картинах, стоит отойти – и чувствуешь пространство и воздух. Пейзажи – как будто тыходишь в них.

Его работы, кстати, очень дорого продаются сейчас. В Русском музее есть его работы. В Манеже была огромная выставка на два этажа, которая, так получилось, открылась 8 ноября 2012 года, через несколько дней после его смерти. На его панихиде председатель союза художников России, Жилинский назвал его гениальным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Воспитанники и коллектив нашего детского дома сохранили замечательную традицию – каждое 23 февраля, по возможности, отмечали встречей. Встречались, к сожалению, и на похоронах... Нас осталось очень мало, из преподавательского состава только я, из воспитанников 5 человек.

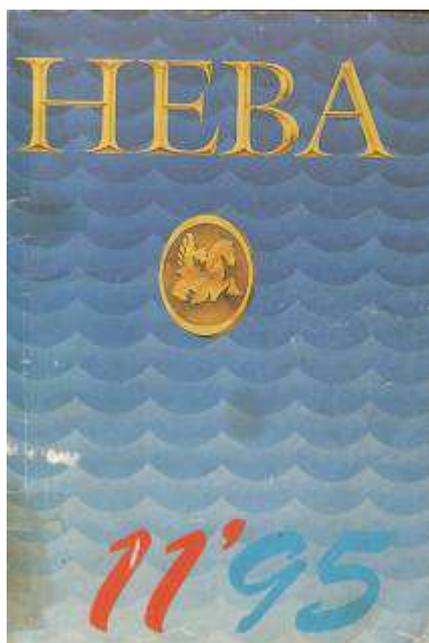
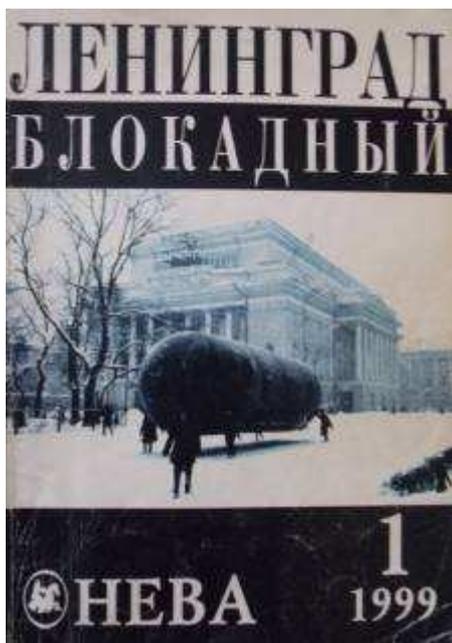
На одном из традиционных сборов Лев Разумовский преподнес каждому из присутствующих подарок – гипсовую медаль.

В послевоенные 50-60 гг. появилось много литературы о блокадном Ленинграде. Газеты, журналы, воспоминания, большая художественная литература. Созданы очерки, повести, романы, начиная с «Балтийского неба» Николая Чуковского, «В осаде» Кетлинской, Тихонова, Инбер, Вишневского. Все они честно, талантливо изображали увиденное, пережитое и то, как связана была история ленинградской блокады с историей Великой Отечественной войны.

О созданном нами детском доме 55/61 еще 22 июня 1942 года писал в газете «Ленинградская правда» председатель Союза писателей известный поэт Николай Тихонов. Его статья вошла в издаваемый в блокаду «Сборник документов и материалов ...».

В последующие годы журнал Нева (выпуски 11'95; 1'99) опубликовал роман Левушки Разумовского «Нас время учило» и его документальную повесть «Дети блокады».

Во время работы над текстом мы использовали материал из книги Л.Разумовского «Дети блокады», в том числе письма воспитанников детского дома. Вот некоторые из них:

Галя Филимонова

«Хозяйка дома, в котором находился изолятор, вместе с другими колхозницами заготавливала в лесу дрова для детдома, и на нее напала медведица. Хозяйку увезли в больницу, охотники пошли в лес искать следы и через три дня вернулись, везя на самодельных санях тушу большой медведицы и трех живых медвежат в мешке. Двух увезли в Мантурово, а одного отдали в детдом. Медвежонок бегал по двору, пугал кур и скулил около вывешенной на плетне шкуры матери. Потом он стал выходить на улицу и забрел к нам в группу, где и остался жить. Как мы радовались, когда у нас появился свой медвежонок! Это было счастливое для нас время! Все его наперебой кормили, гладили, играли с ним. А он привязался к нам и ходил в нашем строю в столовую. Но время шло, и мишка рос быстрее нас. Скоро игры с ним стали опасными. Кроме того, он научился лазить через окно в столовую: по ветке березы добирался до окна, раскачивал ее и прыгал в окошко. Ольга Александровна отправила его с оказией в Мантурово».

Эсфирь Давидовна Рабинович

«Девочки выросли. Многие стали заботиться о своей внешности. Появились самодельные бантики на заколках, бусы из рябины, какие-то кружева, ленточки. Серые однообразные детдомовские платья начали украшаться белыми воротничками.

Среди всех дел, которыми мы старались увлечь детей и сделать их жизнь богаче, особое место занимал детский театр. Сначала мы поставили пьесу «Белеет парус одинокий», а в конце 43-го года и другую, более сложную - А. Бруштейн «Голубое и розовое». Главную роль Блюмы хорошо сыграла Нина Николаева. Роли дети выучивали очень быстро. Их увлекало то, что они начинали жить другой жизнью - жизнью своих героев. Особенно интересной получилась роль Гаврика, которого играла Валя Тихомирова - девочка с явно актерскими данными, ловкая, быстрая энергичная.

Огромный интерес у ребят вызывало изготовление из подсобных материалов костюмов и декораций. Момент из спектакля - пароход причаливает к утесу. Как сделать утес? Мальчишки нашли на конюшне старую попону, притащили столы, взгромоздили на них стулья. Девочки сшили серые байковые одеяла и покрыли ими высокое сооружение - утес получился на славу!»

Дети сами были и режиссерами, и актерами, а воспитатели, активно участвуя в творческом процессе, одновременно учились у детей многому, радуясь находкам и ощущая себя участниками общего праздника.

В подготовке спектаклей трудно переоценить роль Марии Николаевны Роговой. Эта добрая женщина все делала с душой, подбирая цвет платья к цвету волос каждого ребенка индивидуально. В своей бельевой она обсуждала с девочками и с воспитателями фасоны платьев, советовалась с ними, если не нравилось, охотно меняла отделку или другие детали. Ее практическая работа с детьми была тоже своего рода воспитанием. Увлечение театром не заслоняло от нас других более важных дел - мы постоянно искали семьи наших детей, поднимали документы, по метрикам устанавливали место рождения, по адресам посылали запросы. Из разных мест начали приходить ответы, благодарности. Какая была радость, когда у Олега Лукина нашлись бабушка и дед, которые забрали его к себе в деревню!

...Общая атмосфера в детдоме была доброжелательной, серьезных конфликтов между детьми и воспитателями не возникало, если не считать нескольких исключительных случаев. Коллектив воспитателей был дружный! Объединяющую роль играла Ревекка Лазаревна. Все взрывы Ольги Александровны объяснялись ее личными качествами, но основное характерное для нее - могучая энергия и желание вытащить детдом в светлое будущее».

Тамара Логинова

«О жизни в Угорах, о наших буднях и праздниках много и подробно написали мои подруги, с которыми мы прожили дружно почти два года. А я хочу написать главное: о душевном тепле, которое мы приняли от дорогих нам людей, умудренных жизненным опытом: Иты Ноевны и Ревекки Лазаревны Златогорских, Татьяны Максимовны и Мирры Самсоновны Разумовских, Зинаиды Сергеевны Якульс и совсем еще юных воспитательниц Роговых Веры и Людмилы, строгой но заботливой Ольги Александровны Саренок, которая отправила из блокадного Ленинграда полторы тысячи умирающих детей. Еще хочу помянуть добрым словом Рогову Марию Николаевну, красивую, добрую женщину, благодаря которой мы всегда были хорошо и нарядно одеты, Рогова Николай Васильевича, нашего хозяйственника, доброго человека, и обслуживающий персонал: Зинаиду Ивановну и кухонных работников. Кого не назвала, прошу меня простить. Все эти прекрасные люди отдавали нам свою любовь и тепло, учили нас красивому и благородному, и мы эту науку запомнили на всю жизнь.

У бывших детдомовцев жизнь сложилось по-разному, но думаю, что большинство из нас прожили свою жизнь достойно, не опозорили своего детского дома. Ни одна семья не могла бы вложить в детей столько добра и благородства, сколько вложили в нас упомянутые мною люди. Вечная память всем, которых уже нет с нами сегодня.

А мы, живые, встречаемся, дорожим друг другом, для меня все - родные, дорогие люди. Хочу, чтобы мы жили дольше и лучше и как можно дольше не расставались. Всех люблю».

Сайма Пелле

«Детдом вспоминаю хорошо. Я всех там любила, и меня все любили».

Лида Филимонова

«...Когда мы вернулись в Ленинград, жизнь развела нас по разным дорогам. Мы как бы потеряли свою семью. Только тогда мы по настоящему поняли, сколько труда вложили в нас наши воспитатели, чтобы мы, сироты, жили полной интересной жизнью.

Я всегда рассказываю родным и детям о нашем замечательном детском доме, о людях, которые окружили нас теплом и заботой.

Мы их никогда не забудем.

Все они останутся в наших сердцах навсегда».

Нина Иванова

«...Не надо бить в барабаны.

Вся наша жизнь была тяжелой и прошла в жестокой борьбе за существование. Мы с большим трудом сочетали учебу с работой, которая давала нам возможность жить, - поэтому многие из нас остались недоучками.

Будучи по специальности геофизиком, я восемь лет копила деньги, работая уборщицей, мыла полы, чистила уборные, чтобы купить себе жилье.

Мы – поколение, надломленное войной. Рассказ каждого из нас начинается со слов «мама умерла» или «отец погиб на фронте», «Ленинградская блокада». Детдом был как спасательный круг. Потом была жизнь, жестокая и беспощадная, в которой каждый карабкался, как мог, чтобы не утонуть...»

Оказалось, что быт и бытие сошлись в тех условиях, когда ведро воды, коптилка, очередь за хлебом – все требовало невероятных усилий, все стало проблемой для измученного, ослабевшего человека.

Откуда брались силы, откуда возникала стойкость и истоки душевной крепости?

Вот история нашего детского дома, созданного нашими собственными руками и опытом замечательных учителей нашего коллектива, спасших более 1000 блокадных сирот и семей погибших родителей – создала образ истинного блокадника.

Это детский дом на ул. Правды 20.

Сейчас новому поколению как раз и нужно как можно подробнее узнать, ощутить, что было до них. Надо знать, чем все оплачено, надо знать не только о тех, кто воевал, но и о тех, кто сумел выстоять, не имевших оружия, которые могли лишь своей стойкостью что-то сказать миру. Надо знать, какой бывает война, какое благо – этот мир.

**Воспоминания записали и оформили
Екатерина Егорова и Екатерина Меленцева
2012-2013гг.**